

Археология двух городов

(Добролюбский А. О. Археология Одессы. Одесса: Optimum, 2012. 300 с.; Ситник О. Археологічна наука у Львові. Перша половина ХХ століття. Львів — Жешів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України; Інститут археології Жешівського університету, 2012. 365 с.)

В 2012 г. вышли две книги, посвященные археологии двух украинских городов — Одессы и Львова — и изданные на Украине и в Польше. Но первая книга («Археология Одессы» А. О. Добролюбского) анализирует историю города как она представлена в археологических материалах, с экскурсами в историю археологии, а вторая («Археологическая наука во Львове» А. Ситника) посвящена важному отрезку истории археологии (первая половина XX века), как она развивалась в городе — центре Галичины.

Одновременное появление этих двух книг интересно, помимо прочего, тем, что Львов и Одесса — это два города, полярных в раскладе политических сил в стране, раздираемой национальными противоречиями. Бурно обсуждался статус русского языка: второй государственный, по крайней мере, в части страны или иностранный, а государственный — только украинский. Половина страны (юг и восток) — голосует за первое решение, другая (запад и отчасти центр) — за второе. Одни политические силы базируются на востоке и юге, другие — на западе и в центре. Этот раскол вызван, на мой взгляд, не современной ситуацией. Он предначертан тем, что страна сформирована не при распаде СССР по добровольному волеизъявлению граждан или научному анализу расселения этносов, а задолго до того — при создании СССР, и сформирована по административным соображениям и капризам вождей (Крым как дар Хрущева). Тогда земли с русскоговорящим населением (Донбасс, Новороссия) были включены в формирующуюся Украину именно для того, чтобы внутри нее был посильнее русский массив и чтобы покрепче привязать ее к Советской России, недаром же первой столицей был сделан пролетарский и сильно русифицированный Харьков. Кто же думал-гадал, что все это отделится! А сформированная так и закрепленная советской административной традицией Украина отпала цельным массивом, и воспитанная в СССР элита ни пяди земли не хочет выпустить из своих рук. Но русскоязычное население, кем бы оно себя ни считало — русскими или украинцами, — не хочет переучиваться и отказываться от своего языка. А «щирые» украинцы видят в этом угрозу для национального существования, поскольку более мощная и влиятельная русская культура в свободной конкуренции забивает украинскую, более молодую.

Интересно посмотреть, как это противостояние отражается на развитии археологии, учитывая, что археология имеет дело с национальным культурным наследием, с этническими границами и традициями, с политикой в национальном вопросе. У обеих книг путь к изданию был нелегким. В «Археологии Одессы» это прямо указано автором в предисловии: «Наша археологическая деятельность... проходила при неизменном и устойчивом противодействии,

а также вязком и активном сопротивлении академических структур, прежде всего Полевого комитета Института археологии НАНУ и местных органов охраны культурного наследия. Поэтому она неминуемо носила все эти годы «незаконный», с их точки зрения, характер и порой вынужденно приобретала хулиганские и диверсантские формы... В сущности это была классическая диссидентская деятельность «инакомыслящих» в науке» (с. 11). Но Южноукраинский педуниверситет (Одесса) решил издать это произведение. На русском языке.

В книге об археологии Львова нет таких ошеломительных признаний. Автор вежливо благодарит сотрудников Института украиноведения и других за помощь в работе, но книга издана на украинском языке (то есть, для украинского круга читателей) не на Украине, а в Польше, Жешовским университетом. Мне трудно судить о причинах такого странного обстоятельства, поскольку я не знаю, что в Институте украиноведения и в смежных институтах Украины считается неприемлемым для публикации. Но мне доводилось спорить с некоторыми коллегами с Украины по истории археологии. Они отстаивали концепцию давнего, еще в царской России и в Австро-Венгрии, зарождения украинской археологии и длительном параллельном сосуществовании ее с российской. При этом они подверстывали в украинскую археологию всех украинцев, действовавших в российской, австрийской и польской археологии.

Если это и есть патриотическая концепция, проводимая главным образом в украинской науке, то понятно, что концепция, проводимая в книге Сытника, им не подходит. Он так излагает свой взгляд на историю науки: «Наука вне- и наднациональна, но ученый-исследователь должен быть патриотом своей страны, нации, народа» (с. 13). В истории археологического очага наиболее яркой борьбой за украинскую культуру Сытник видит четыре периода:

1) австрийский, когда Львов был Лембергом, а поляки и украинцы развивались под влиянием австрийской археологии и этнологии, учились в Вене и Праге, у Гёрнеса, Менгина, Нидерле — этот период Сытник рассматривает как самый демократический (лучше сказать самый толерантный);

2) польский, когда Львов был «мультикультурным» и польские археологи задавали тон, обучая немногих украинцев, а в общем к этому времени Сытник относит «взлет и падение львовской археологии» (этому периоду посвящено два раздела книги);

3) советский со сравнительно коротким перерывом — немецкой оккупацией (тоже два раздела); весь этот период Сытник колеблется, как назвать — то ли ренессансом, то ли «репрессансом» львовской археологии; он рассматривает его как время иллюзорной украинизации и реальной насильственной русификации;

4) украинский с 1991 года — этот период остается вне рассмотрения, коль скоро время ограничено первой половиной XX века.

Как можно понять, украинская археология появляется только с 1991 года, до того были ее ростки в других национальных (или «интернациональных») археологиях. Это если судить по декларациям Сытника. Если же обратиться к подробному рассмотрению текста книги, складывается другое впечатление. Автор включает в свое рассмотрение все, что касается археологии Галичины с центром во Львове: кто здесь работал в археологических учреждениях и как любитель, кто бывал с рабочими визитами, чьи экспедиции сюда приезжали,

кто вообще изучал эту местность, были ли то украинцы, поляки, немцы, русские или евреи. Это все очень хорошо и делает книгу незаменимым подспорьем для работающих над местными материалами. При этом автор с особым тщанием отмечает деятельность украинцев или полуукраинцев, что в общем естественно. Однако в итоге, коль скоро ставятся во главу угла национальные проблемы (становление национальной науки, отношения с другими национальными науками), получается картина вездесущности украинских археологов и их преобладания, и это впечатление не устраняется приведением истинных цифр состава населения в разные исторические моменты.

К моменту вхождения Львова в состав Польши в Восточной Галиции в целом проживало, по данным Института украиноведения, 54% украинцев, св. 30% евреев, 15,9% поляков и 1,2% немцев. Согласно польским же вычислениям, во всей Галиции доля поляков доходила до 40%, а для Восточной Галиции (со Львовом) составляла около 25%. К 1931 г. доля поляков и на Востоке выросла до 40%. Украинцев все же значительная доля, но это за счет сельского населения. В городах же, в частности, во Львове, со времен Речи Посполитой сохранялось решительное преобладание поляков. Львов в 1920-х годах имел православных всего 15,9%, иудеев — св. 30%, остальные — католики-поляки, немного армян и немцев. Пребывание в империи Габсбургов не сильно повлияло на эти соотношения. Городская архитектура, за исключением нескольких православных церквей, была польской. Университет, основанный королем Яном Казимиром в 1661 г., был польским, с преподаванием на польском языке, но в австрийское время в нем были кафедры с украинским языком. Они были ликвидированы польской властью. В 1925/26 учебном годах 50% студентов были поляки, 35% — евреи, 14% — украинцы. Когда Львов оказался в 1939 г. под советской властью, университет был украинизирован. Оказалось, что в нем в полтора раза больше студентов, чем в Киевском. Но уже к концу жизни Сталина, в 1953 году, только на 49 кафедрах преподавание велось на украинском, а на остальных 295 на русском. Полностью на украинский язык университет перешел лишь в 1991 г.

Таков был фон, на котором развивалась археология во Львове.

В австрийский период все основные фигуры львовской археологии были поляками — Ян Чекановский, Деметрикевич, Юзеф Костшевский, Владзимеж Антоневиц, Карл Гадачек. Они учились в Вене у Гёрнеса и Менгина, в Праге у Нидерле, в Берлине у Косины. Единственным видным археологом-украинцем, ориентированным на археологию Украины, был Вадим Щербаковский, который учился в русских университетах — Петербургском, Московском и Киевском, издал впоследствии «Украинское искусство» и «Каменный век Украины», но после установления советской власти на Украине уехал в эмиграцию — в Прагу, затем в Мюнхен, работал в Украинском Вольном Университете. Подавал надежды его друг Владимир Гребеняк, но молодым погиб на фронте. Левко Чикаленко, учившийся в Лозанне, работал над палеолитом и трипольем, недолго побыв во Львове и вообще на Украине, Вовк его пригласил в Петербург, где он стал помощником Вовка. После революции эмигрировал в Варшаву, затем в Прагу.

В польский период археологией во Львове, естественно, верховодили польские ученые — Эдмунд Буланда, Леон Козловский, по-прежнему Ян Чекановский (больше антрополог), Тадеуш Сулимирский, самоучка (без законченного

среднего образования) Круковский. Козловский поддерживал маршала Пилсудского и был назначен министром, потом премьер-министром, участвовал в создании польского концлагеря для революционеров (Береза Картузская), но вскоре вернулся в археологию. Из украинцев выдвинулись две фигуры — Юрий Полянский и Ярослав Пастернак. Оба они в Первой мировой войне были в австрийской армии, потом в украинских отрядах воевали с поляками, но после поражения обосновались все-таки в Польше. Полянский, «отец западно-украинского палеолита», работал под началом Козловского, но дружил с его противником Круковским, после войны эмигрировал в Аргентину, где был избран академиком. Пастернак сначала эмигрировал в Прагу, вернулся доктором, польские археологи помогли ему получить нострификацию, несмотря на его последовательное отстаивание «украинской идеи» и подозрения властей во враждебности. После воссоединения стал заведовать кафедрой археологии, но после войны эмигрировал. Сытник описывает также деятельность Олега Кандыбы (сына писателя Ольжича). Но Кандыба, ученик Нидерле, успел поработать недолго — был замучен немецкими оккупантами в лагере Заксенгаузен.

Сытник говорит о украинско-польском «противостоянии» (название II раздела), из чего складывается впечатление о приблизительном равенстве сил. На деле идет речь о подпольщиках с одной стороны, погромщиках с другой, а в основном о поведении украинского меньшинства, небольшая часть которого противостояла властному большинству, а большая — приспособлялась (с. 101). Кстати, польские власти и общественность и не употребляли название «украинцы», они говорили обычно о «русских» (с. 91), смешивая под этим названием украинцев, белорусов и русских в одну православную массу, от которой они опасались повторения натиска, видя основную силу за восточной границей.

Польская археология была более развитой, гораздо более многочисленной и опиралась на долгую народную традицию более бережного отношения к древностям. Отношение же украинского населения автор характеризует рассказом Шовкопляса: в Доброничевке был найден огромный череп мамонта. Селяне простодушно поведали с молодецкой удалью: «Иван бил-бил — не разбил, а Петро взял кувалду да как жажнет! Вдребезги разнес!» На вопрос «Зачем?» просто пожали плечами (с. 83).

В советское время поляки поначалу еще играли какую-то роль во львовской археологии (Чекановский, Маевский), но когда обязали читать лекции на украинском, Чекановский передал свои курсы своему ученику — еврею Чорткову (погиб в гетто), а Маевский уехал в Польшу. Из старых кадров остались ученик Чекановского украинец Маркиян Смишко, воевавший против поляков в 1918–19, и Свешников, русский дворянин, ученик Козловского. С востока были присланы Ю. И. Захарук, гуцульского происхождения, и А. П. Черныш, украинец, воевавший и бывший в плену, но уцелевший. Вокруг этих кадров начала собираться группа археологов, работавших во Львове все советское время. В это время украинская археология провозглашалась, но была все более просто отраслью русской советской археологии. С теми же принципами, методами, обычаями, интересами, с той же идеологической обязаловкой, с теми же страхами и на практике с тем же языком.

Сытник пишет: «Разделение на польскую и украинскую археологию проводится главным образом по национальности или вероисповеданию ученого,

что поистине во многих случаях несправедливо, Многие украинцы в польский период поддерживали официальную университетскую науку или сотрудничали с польскими консерваторами округов... А к какой “национальной археологии” отнести исследователей, которые были наполовину украинцами (по отцу) и поляками (по матери)... не говоря уж о поляках, в роду которых были украинцы (бабки-прабабки) или, наоборот, об украинцах с польской кровью в родословной?» (с. 101).

Можно ли принять одиночные фигуры за национальную археологию, для меня остается еще более сомнительным, чем для автора книги. Тем не менее, хотя наука в своих принципах и методах вне- и наднациональна, в разных странах ее развитие имеет свои особенности, и в этом смысле можно говорить о французской палеолитической школе как о характерном явлении французской археологии, о британской теоретической археологии, о немецкой археологии и ее эмпирических традициях и т. д. Значит можно говорить не только об археологии Украины, но и об украинской археологии. Однако ее определяющими чертами не может служить национальный состав ее работников. Хотя в целом этот фактор учитывается, но в каждом индивидуальном случае — нет.

В. И. Даль, составитель знаменитого словаря русского языка — несомненно русский ученый (не только российский), хотя он был сыном датчанина и полунемки-полуфранцуженки. Академик Бэр — русский ученый, хотя он из остзейского немецкого дворянства и полжизни провел в Германии. Хведор Вовк (Федор Волков) — украинец и борец за национальную идею, но полжизни провел во Франции, где и стал знаменитым археологом, а затем поселился в Петербурге, где основал русскую школу палеолита и разработал русскую терминологию кремневых орудий. Он русский археолог, хотя и пылкий украинец. Под конец жизни он в революционные годы решил поехать на Украину и, глядишь, стал бы еще и украинским археологом, но умер в дороге. В Петербурге у него учились С. И. Руденко и П. П. Ефименко, оба украинцы, навсегда связавшие свои имена с русской археологией. Ефименко был даже послан на руководство киевским институтом археологии, несколько лет руководил, но что-то не пошло — вернулся домой в Ленинград.

Важно и то, на каком языке ведется преподавание и печатается научная продукция, но и это не главное. У меня есть книги на английском, испанском и словенском языках, статьи на немецком и французском, но на этом основании странно меня объявлять нерусским археологом. Сейчас археологические учреждения многих небольших государств издают свои работы систематически на английском языке, не становясь при этом частью английской археологии.

Примечательна концентрация интересов на темах, важных для культуры и истории данной страны и данного народа, но и это не является определяющим. Кто только не изучал украинских скифов — русские (Ростовцев, Артамонов, Граков и др.), украинские археологи (Тереножкин, Мозоловский), англичане (Миннз), немцы (Гинтерс, Ролле), поляки (Сулимирски) и т. д. Происхождением славян тоже занимались и русские, и поляки, и чехи, и немцы.

Что мне кажется определяющим в данном вопросе, это национальные организационные структуры, превращающие отдельные этюды по археологии, связанные с национальными интересами, в целостную отрасль науки — институты, кафедры, музеи, журналы, органы охраны памятников, законы, общества

любителей, съезды, конференции, преемственность знаний и т. п. Если это есть и если это отличается от других национальных археологий своеобразными чертами, внося существенный вклад в мировую науку, — тогда можно говорить о национальной археологии.

Исходя из этого, я думаю, что такие явления Львова, как культурно-исторический музей Научного Товарищества им. Т. Шевченко, Украинский национальный музей, были ростками украинской археологии. Ни украинских археологических журналов, ни институтов, ни кафедр, ни органов охраны памятников, ни прочего не было. Они появились только в советское время. Пусть в значительной мере декоративные и несамостоятельные, это все же были те формы, которые использовали после 1991 года для заполнения новым содержанием.

Для характеристики конкретных этапов развития книга содержит немало интересных деталей. Восстановлена судьба профессора Леона Козловского, бывшего премьер-министра. Когда в 1939 году Львов бал воссоединен с Украиной, Козловский работал директором музея, а вместе с ним в музее работал опытный сотрудник О. Прусевич, который пожертвовал музею свои большие коллекции. Прусевич менял свою национальность и взгляды в зависимости от обстоятельств. Пришли «советы» — он сменил вывеску на «Народный музей». Козловский сорвал ее. Прусевич пожаловался новым властям — как резюмирует Сытник, «донес» (вероятно, ожидал, что пост директора передадут ему). Козловский был арестован, сослан в лагерь (вероятно, по совокупности деяний) и погиб в 1944 г., в тот же год Прусевич покончил с собой.

Книга снабжена большим количеством редких иллюстраций. В полезный справочник ее превращает приложение — полный каталог всех памятников, исследованных в Галичине, с указанием экспедиции, исследователей, дат и публикаций.

К недостаткам книги я бы отнес отсутствие указателя (в такой книге он совершенно необходим) и полное игнорирование трети населения Львова — еврейской общины. Упомянуто лишь, что у них был свой музей и что один археолог, Чортковер (есть его портрет), погиб в гетто.

Гораздо больше развита еврейская тема во второй рассматриваемой книге — «Археологии Одессы». Но эта книга, написанная заведующим кафедрой археологии Новороссийского университета коренным одесситом Андреем Олеговичем Добролюбским, адресована не столько археологам, сколько широкой публике. Поэтому она написана непринужденно, увлекательно, с запалом и эпатажем (обычно присущим этому автору), а так как, возможно, ради эпатажа, идеи приходится выкладывать острые, дискуссионные, то их нужно доказывать, а для этого — соблюдать все (или почти все) правила научных монографий.

В семи частях последовательно излагаются проблемы, связанные с различными эпохами существования Одессы — от античного времени до XIX века, — причем все это основано на собственных раскопках автора.

В первой же части, названной «Антиковедческая увертюра», речь идет о раскопе, заложенном в самом центре города, возле театра, где стояли самые первые дома Одессы, и там обнаружены разбитые бокалы и другие предметы, которые автор толкует как следы обряда заложения города. В этой главе автор дает читателю обзор античных мест в районе Одессы, которые он далее будет анализировать.

Во второй части, названной «Борисфен», он доказывает, что первая греческая апойкия на месте Одесского порта была основана в середине VII в. до н. э. и она-то у древних авторов именовалась Борисфеном (по тогдашнему названию Днепра). В споры археологов-античников о месте Борисфена я здесь вмешиваться не буду. Из многих толкований похода Дария в VI в. до н. э. в Скифию автор избрал ближнюю версию (Дарий даже не дошел до Ольвии), и это кажется мне реалистичным, а автор связывает с этим эпизодом период запустения в слоях Борисфена. Рассмотрев некоторые другие эпизоды античной и скифской истории (низвержение Скила, поход Зопириона и др.) и отыскав им соответствия в местных археологических материалах, автор обратил внимание на своеобразную сероглиняную керамику с лощением конца VII — первой четверти V в. до н. э., находимую и в других античных городах Северного Причерноморья. Он сравнил ее с финикийской и еврейской керамикой Средиземноморья и пришел к выводу, что значительную часть колонистов (около четверти) составляло иудейско-израильское население — это он подтверждает еврейскими надписями в Ольвии и Тире.

Остатки древнегреческих культов («пуп Земли», «яйцо Пифона») побуждают Добролюбского войти еще в один спор о локализации, на сей раз античного Одессоса и его гаваней (этому посвящена третья часть) — конечно, и для него он избирает Одесскую версию, помещая его на Жеваховой горе в Одессе, а само слово производит от имени Одиссея. Все это представляется мне натянутым. Так считали Винкельман и русские поэты. Многие ученые XX в. мнение поэтов оспаривают. «Напротив, — полагает Добролюбский, — думается, что им было виднее. Пушкин и Капнист с Гнедичем и Жуковским, получившие неплохое классическое образование, видимо, были правы. Известно, что поэтам часто бывает виднее лучше всех. Их и надо слушать» (с. 120). Это очень смахивает на «гимназическую методику» Л. Н. Гумилева.

В части 4 «Хаджибей и Джинестра» автор разбирается с локализацией в Одессе турецких крепостей (это уже не отходя от реальности) и с удивлением обнаруживает в Хаджибее могилы (рядовых жителей) с еврейскими надписями и могоидовидом. Но еще большее удивление вызвали еврейские имена, написанные русскими буквами, что автор связывает с наличием евреев в Запорожской Сечи (многие документы Запорожской Сечи написаны на украинском языке, но еврейскими буквами).

Часть пятая, «O tempora, o mores!», мало связана с хронологией, она в известном смысле вспомогательная и должна пояснить переход к следующей части, откровенно эпатирующей. Автор как бы извиняется за те вещи, которые он будет рассказывать в дальнейшем, и поясняет, что в античности были совсем другие нравы и другая мораль. Это поясняется на примере гарпий и сирен-соблазнительниц. Мимоходом сообщается, что Одиссей посещал именно эти места — такая локализация гомеровских деяний совершенно невероятна.

«Чары Диониса» называется шестая часть, в которой автор, отправляясь от эпизода со скифским царем Скилом, освоившим греческие оргиастические культы и наказанным за это своими сородичами, подробно и со вкусом развертывает рассказ об этих самых культах и вообще об античных обычаях гомосексуальности, трансвестизма и транссексуализма. Он выделяет на примерах богов и античных героев разные типы гомосексуальности и подыскивает

им соответствия в истории и современности среди известных исторических личностей. Скорее можно было бы, привлекая материалы этнографии о видах сексуальности в первобытных обществах, объяснить современным анализом гомосексуальности античные мифы и обычаи, что и делалось учеными. В книге об археологии Одессы все это забавно, но совершенно не научно, а главное не имеет никакого отношения к истории и археологии Одессы. Единственная функция этой главы — повесить продаваемость книги.

Часть седьмая, самая большая, — «Одесса, рожденная классицизмом». В ней прослеживается борьба Иосифа де Рибаса, полководца и царедворца, против всесильного Потемкина, сначала за взятие Аджибея у турок, потом за штурм Очакова, в котором главная заслуга принадлежала не Суворову, как принято считать, а де Рибасу; потом уже против других за основание именно на месте Аджибея, а не в Очакове, главного русского порта на Черном море. Это все любопытно и похоже на правду, но к археологии не относится. Об археологии напоминает только анализ находок на месте предполагаемого обряда основания города (разбитые бокалы, поднос, кинжал и монета в стене фундамента первого дома).

Иллюстраций много, но подписи к ним оставляют желать лучшего: цифры у значков не расшифрованы (неясно, какие это пункты из упоминаемых тексте), источники не указаны. «Подобная академическая небрежность в европейских историко-культурных кругах признается допустимой» — пишет автор в предисловии (с. 12). По крайней мере, в тех европейских кругах, в которых мне доводилось работать, это не так. Об «академическом опоздании» я слышал, хотя никогда его признавал, но «академическая небрежность» — это нечто новое в терминологии.

Для темы же, объединяющей обе книги, любопытно, что об античных греках и древних евреях, о русских армии и флоте, о казаках в русской армии, об иностранцах на русской службе в книге об Одессе говорится очень много, о Запорожской Сечи кое-что, об украинской науке в связи с Одессой и одесской археологией практически ничего, если не считать негативных реплик в предисловии. Характерно, что эта книжка вышла именно в Одессе, правда ничтожным тиражом — в 300 экз.